

САМ СЕБЕ
РЕЖИССЕР

- Вы никогда не хотели бросить театр?

- Бывало. А уйти из спектакля - так вообще часто. Когда, например, вижу, что режиссер бездарен. Или когда уже никакие художественные достоинства не могут компенсировать тех оскорблений, которые ты переживаешь на сцене. Есть режиссеры, с которыми меня уже ничто не заставит работать. Ненавижу, когда оскорбляют, унижают, топчут актеров. Потому что одно дело, когда тебе кричат: "Бездарность! Что ты делаешь?" И совсем другое, когда тебя поливают матом, наступают на самое твое больное место или просто издеваются, из-под палки заставляя делать то, что для тебя стыдно, позорно...

- Вы, судя по всему, не такой человек, который станет все терпеть. Как говорится, сам себе режиссер...

- Гафт как-то мне с грустью сказал: "Я для себя, Лилек, и режиссер, и худсовет, и президент!" Естественно, театр - это же мир индивидуальностей. Счастье, если найдется режиссер, который тебя покорит, станет твоим учителем, откроет тебе твои же возможности. Так когда-то покорила меня Виктюк - тот, прежний Виктюк, который пришел к нам ставить "Квартиру Коломбины"...

- А когда режиссер придется не по душе?

- Плохо. Даже если он обожает тебя, но не знает, как ставить спектакль, - беда! Тогда в ход идут штампы, банальные метафоры и жэковские ассоциации. А главное, что можно тут сделать? Кому жаловаться?

- Рассудить может только зритель?

- В общем, да. Хотя порой я сама теряюсь, потому что зритель может смотреть такую "вампуку" и аплодировать ей стоя. Это какое-то психотронное оружие: в зале овации, двор заставлен иномарками, цветы, статьи - а спектакль нужно срочно закрывать! Потому что это пропаганда пошлости, зомбирование зрителя!

- Все-таки странно: вы из-

Список интервью, данных Лией АХЕДЖАКОВОЙ, наверное, немногим короче списка ее ролей. "Просто неохота все выплескивать, - говорит она. - Это как с ролью: если расскажешь, что придумал, - уже никогда не сыграешь или сыграешь, но совершенно по-другому!" Кажется, она и живет так - не разболтать, не расплескать, успеть прожить, скорее, скорее, пока держишь нить...

В летнее пекло, когда на пляже бы валяться или в какой-нибудь хорошей стране да на престижном фестивале, Ахеджакова подруливает на своей голубенькой "шестерке" к "Современнику". На ходу здороваются со своей характерной интонацией: "Ждите меня здесь. Я только переоденусь для репетиции, и мы поговорим!" И, продолжая раздавать направо и налево свои "Здравствуйте!", уже бежит по лестнице в гримерку. Все у нее на одном дыхании. Маленькая, удивительно энергичная - просто какой-то маленький тайфун чувств.

Настоящее рождается из тишины

вестная актриса, судьба ваша состоялась, но в словах ваших тем не менее чувствуется какой-то надрыв.

- Это только про зарплату можно сказать, что все сложилось. Все мы стареем, а чем старше актер, тем меньше он нужен. У женщин вообще мало времени в театре. Мужчины здесь дольше живут. И все равно единицы таких, как Леонов, Смоктуновский, Евстигнеев, которые нужны всегда. Про Прудкина рассказывают, что, когда за три месяца до смерти его пришли навещать, он сказал: "Ужасно трудно - нет творческой перспективы!" А ему было за 90. С другой стороны - не всякая работа в радость. Потому что не хочется повторяться, растрчивать силы на ерунду - жаль времени, которого не так много осталось.

САМ СЕБЕ ПРОДЮСЕР

- Вы сказали, вам дорог тот, прежний Виктюк - это значит, что ваши пути разошлись навсегда?

- Уроки "Коломбины" меня сформировали, и это по сей день крепко во мне сидит. Но со временем люди меняются - и он, и я. Причем в разные стороны. Так что спасибо ему и до свидания. А время нас рассудит.

- В какую же "сторону" идете вы?

- Есть два пути: коммерческое искусство - и тогда мы в "полном порядке", либо подвижничество, но это - нищета. Страшно оставаться с полупустым залом, без зарплат, но еще страшнее пред-

ставить, что придется совсем уйти в эту коммерцию. Я, наверное, конформист. Хотелось бы подвижничества, а деньги я умею зарабатывать концертами.

"Лия Меджидовна, вас междугородная!"

Через пять минут, запыхавшаяся, она снова влетает в комнату.

- Это из Одессы... Я там снималась в картине "Вино из одуванчиков". Смоктуновский сыграл в ней замечательную - свою последнюю - роль. История эта четыре года уже тянется! Когда-то это был заказ Гостелерадио. Потом Украина стала независимой, финансирование прекратилось. Мы с режиссером Опасным даже ездили в Николаев на телефестиваль "Бархатный сезон" - пытались найти деньги, чтобы закончить картину. Нам наобещали: директор глиноземного завода, директор судостроительного - и ни гроша не дали!

Недавно я была в Киеве и рассказала про это по телевидению. И вот звонят: вдруг объявился директор глиноземного завода!

САМ ПО СЕБЕ АКТЕР...

- Мы говорили о режиссерах. А если не складывается с партнером?

- Вот Валя Гафт всю жизнь мучается оттого, что не может найти себе равных. Как рассказывала Раневская - ей все время давали партнера, говорили, что это тигр, а оказывался воробышек... Про Валью даже рассказывали такой случай: как-то во время просмотра перед худсоветом на телевидении он вдруг посреди спектакля поднял за грудки какого-то мхатовского актера и закричал: "Ты будешь, мерзавец, общаться?!"

- А вы кричите на плохих партнеров?

- В душе - я уже накричала, взорвалась, просто дала пощечину! Но как только я это осуществлю - все, я уже не смогу играть. И поэтому я никогда не сорюсь с партнерами, не делаю им замечаний, хотя часто, конечно, мы все - актеры - видим халтуру или еще хуже - беззастенчивое "перетягивание одеяла".

- Говорят, многие актрисы "разминают свой нервный аппарат", кидаясь на окружающих...

- Это не только актрисы. Но есть такие, кто бросается на всех, чтобы поднять свой "внутренний градус" - чтобы глаз загорелся или слезы подступили. И вводят себя в это состояние, обижая, оскорбляя. А то и врезать могут по сигналу: "Мотор! Камера!"

- А ваш "градус" всегда на высоте?

- Он ленился, этот "градус", безумно. Его надо поддерживать, беречь. Если меня, напри-

мер, кто-то обидел или я чувствую себя виноватой, что накричала на кого-то, я не могу играть совсем. Нет, если плакать надо, слезы текут! Но и в остальном - одно уныние. И еще: мне совершенно нельзя суетиться, дергаться, болтать. Я не могу делать сразу три работы. Не могу помчаться сняться в кино, потом полететь в театр, застряв по дороге в пробке. Вообще, мне кажется, что все настоящее рождается из тишины. Тут нельзя думать ни о чем постороннем, мучиться бытовыми проблемами - а куда без этого?

- Душа не должна быть сытой? И желудок тоже?

- Конечно, и это. Например, подкрепиться в буфете перед спектаклем, откусить - и на сцену!

- Не позволяете себе?

- Желательно этого избегать - спать потом очень хочется...

- Мы говорили о том, что актеры - люди нервные, сердитые подчас. Но все знают, что это еще и самые веселые люди.

- Театр - веселое дело, как говорит Табаков. Там, где есть актеры, всегда происходит что-то невероятное, смешное, что будут потом пересказывать как анекдот. Да еще немислимые характеры. Ну вот последний спектакль "Трудные люди". Последний монолог Гафта - Лейзера. В зале жара невыносимая! На сцене даже нет кондиционера - душегубка! Все мокрые, вытирают незаметно пот. И сидит Валя - в майке, в рубашке, в пиджаке, застегнутый на все пуговицы. И рассказывает длинную историю какой-то Лей-Двойры Вильман, которая когда-то там не отрезала косы, и из-за этого от нее откалывали жених, да еще у нее бородавка на носу, и вот она, наконец-таки, нашла мужа, какого-то Шмуэля Вульфа... А заканчивается все тем, что этого Вульфа убила иорданская пуля, когда ее младшему ребенку Эфраиму было всего три месяца... И дальше он, весь в поту, красный, даже глаза красные, не понижая голоса, трагически заканчивает: "Лилек, я сейчас умру!" Зал ничего не понял. И тогда я тихо ему отвечаю: "Валь, я тоже!"

Беседовал Олег ГОРЯЧЕВ
Фото Эдуарда Кудрявцового